

КРАУДСАЙД

ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД

АЛЕКС БЛЭК

18+

Алекс Блэк
Краудсайд

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Блэк А.

Краудсайд / А. Блэк — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96373-3

Неожиданно космос сотрясся и наполнился шумом. Все человечество с трепетом наблюдает за ночным небом, на чьем черном полотне разлетаются миллионы разноцветных огней. Это были планеты и звезды ближайшей Галактики, в которой произошел мощнейший взрыв, навсегда стерев ее с лица Вселенной... а так же уничтожив Ад. Что же теперь ждет людей после смерти? И почему человечество перестало видеть сны?

ISBN 978-5-532-96373-3

© Блэк А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
1	5
2	7
3	9
4	11
5	12
Книга первая	14
Глава 1. Лучший мир	14
1	14
2	15
3	17
4	18
5	20
6	22
7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алекс Блэк Краудсайд

Пролог

1

Перевалило за полночь, а пожилой мужчина еще продолжал исследования в своей лаборатории. Не то чтобы она находилась в его личной собственности, просто считал он её своей по другой причине – здесь воняло лекарствами ровно как у него дома, и кто-то постоянно несдержанно орал за дверью. Плюс уже несколько дней он жил и спал здесь, что придавало комнате особый аромат привычной старости, и не хватало разве что телевизора и банки не самого дорогого пива. Но деваться было некуда. Прежде, чем вернуться домой в привычную атмосферу, необходимо было изучить эту проклятую штуку, свалившуюся с небес.

Когда профессор не был занят мыслями о воспоминаниях, закрыл ли он дверь, покидая квартиру, (что было не продуктивно, это его сильно отвлекало) профессор задумчиво что-то чертил и высчитывал. И если сложить воедино километры всей этой писанины, то их вполне хватило бы выстелить тропу к дому, откуда его так нагло подняли с дивана, когда он смотрел передачу «Шоу Эллен Дедженерес», серию с Леонардо Дикаприо.

– Какой красивый, талантливый мальчик, – сказал он тогда, и на этих словах дверь в его квартиру вышибли черной удлиненной дубиной...

Зато путь был потом забываем. Лететь на вертолёте и без пробок просто шикарно! Линия горизонта, чей окрас в сумерках всегда нежен и приятен глазу был вдвойне великолепен с высоты птичьего полёта, на фоне высоток и садившегося Солнца. А подвыпившее, уже не первой свежести сознание, рисовало в голове картины рая, куда он вот-вот отправился, если бы вертолет сделал хоть еще один резкий поворот.

Но рано или поздно даже хорошее заканчивается, и панорамный вид ночного города сменили четыре стены, астрономическое оборудование и президент, пожимающий потную старческую ладонь, и толкующий о каком-то неопенимом долге перед страной. Видимо за семьдесят пять лет они у старика еще остались.

Сам профессор не запомнил, что он ответил верховному. Охранники быстро увели президента, и ученый остался один, окружённый молчаливым холодным оборудованием. Которое, кстати говоря, было куда полезнее юного помощника, приставленного к нему на днях, и который где-то шлялся, когда у них через час начинается конференция, где они должны дать ответ, что же все-таки произошло. Власти больше не могли молчать, а старик не понимал, почему выбрали именно его давать ответ перед репортерами, ведь над тем, что произошло, трудились сейчас десятки, а может и сотни тысяч лучших умов планеты. И почему лаборатория находилась в подвале Белого Дома, тоже оставалось для него тайной, как и то, почему Трамп перекрасил волосы в черный, который ему совершенно не шел. К сожалению, с возрастом логические нити в голове ослабевают, разрываются, а затем наступает маразм, и старик чувствовал, что он почти в шаге от того чтобы не закрыть глаза и пустить на пол слюну.

Будь профессор на двадцать лет моложе, то учёный отдался бы процессу даже с удовольствием. Но будучи отдавшимся лишь стране за «долги», мужчина пригубил содержимое стакана, затем, склонившись над своей писаниной, глубоко ушел в свои раздумья искать ответ, что же, черт возьми он скажет Богу, когда умрет.

«И зачем мне вообще химик, – с досадой думал профессор о своём помощнике, – они только и умеют, что пробовать свои смеси».

Старик с раздражением переводил взгляд с настенных часов на виновника перемены своего места жительства и недосыпа; красный камень с баскетбольный мяч, о котором профессор уже отчаялся понять, «что это», был на удивление легким, крепким, и при ударе с предметами имел огромную кинетическую силу. Профессор со злостью запустил его об стену. «А что ему будет? – подумал старик, яростно метнув взгляд на оставшуюся вмятину в стене. – Этот камень не разрушился, когда он, и пару тысяч его братьев уничтожили Уайтхэвен, когда они попадали на Землю. Куда там дряхлой старой руке».

Тем не менее, количество кофе на столе говорило о серьезности его намерений, а разбросанный по комнате хлам о холостяцкой жизни. И вначале первого ночи пожилой мужчина решил поместить метеорит под открытый огонь газовой горелки. Как говорил юный химик, доставая пальцем осадки из колбы: – главные открытия приходят, когда их не ждешь, – а затем этот палец облизывал. Потому учёный надеялся, авось, может что-то подобное тоже произойдёт, но облизывать камень он все же не отважился.

Пока ассистент отсутствовал, астрофизик, не в самой удобной позе разглядывал свои записи, затем перечеркивал, скамкивал и раздраженно бросал листок в урну. Как успешный специалист своего дела, он попадал ровно мимо, а неудача за неудачей, бывает, вредят мозгу. И не только.

2

– Да что б её! – выругался пожилой мужчина, и через секунду красная штукавина на столе, на которой он периодически тренировал свой бранный запас, пустила ему в лицо чёрный, едкий дым.

– Да чтоб тебя! – повторил он, чтобы уже наверняка, и смахнул распыляющийся предмет на пол. Пришлось воспользоваться огнетушителем.

Распахнулась дверь, и в комнату, как всегда забыв постучать, вбежал молодой человек, лет двадцати пяти.

– Извините, профессор... там... там...

– Спокойнее, отдышись дружище.

– Там все собрались и ждут, – на одном дыхании вымолвил парень и сложился пополам, подперев колени руками.

Несмотря на недолгое знакомство, (хотя он его и так редко видел) профессор уже успел свыкнуться со странным поведением юноши. Что его больше беспокоило так это взвешиваемая черная субстанция, покрывающая его лицо. Столько бессонных ночей, и только сейчас метеорит приоткрыл ученому часть своей тайны. Профессор искренне понадеялся, что он еще вернется к этому вопросу, если с ним ничего не произойдет после этого, как то бывает в фильмах. Например, он превратится в зомби, и начнет высасывать людям мозг, как это делала его бывшая.

– Да, сейчас, иду, – спокойно отозвался старик, не веря в то, что этот час так быстро пролетел. Как и вся прошедшая неделя, как и все семьдесят пять лет, с момента, когда он впервые увидел отца и с его детских невинных губ сорвалось слово «осел».

Учёный подошёл к умывальнику и посмотрелся в зеркало.

– Все собрались?

Начинающий лидер движения «спорт и наука» согнулся ещё ниже, и, глотая воздух, пробормотал что-то нечленораздельное. Похоже, все на месте.

Профессор открыл кран и ещё десять минут молодой человек ждал, пока его наставник полностью смоем чёрный окрас с лица, а тот, в свою очередь, дал помощнику передохнуть с пути, занимающий всего пару минут спокойным шагом в этом же здании. «Вряд ли он проверил все ли готово, – хмуро подумал профессор, – кажется он только что вернулся из бара».

Не тратя время на поиски полотенца, которое в самый нужный момент уходит, видимо по своим делам, (*а куда оно еще может деваться?!*) пожилой мужчина вытер лицо подолом халата и сообщил, что он готов. Затем они вышли в коридор и две пары туфель за сорок баксов, оскверняя дорогуший красный ковер, пошаркали в лекторий.

В эту комнату можно было попасть двумя способами, а проникнуть незамеченным всего одним. За кулисами невысокого подиума находился проход, и что бы не ковылять через весь зал, воспользовавшись проходом можно было сразу выйти на сцену.

Профессор немного отодвинул занавеску и нисколько не удивился, увидев битком набитую аудиторию. «Ещё бы! После такого-то и не прийти, – подумал он. – Теперь только у репортеров и останется работа».

Вспышки фотокамер ещё не обеляли зал, но беспредельная суматоха производила впечатление рынка в пятницу.

– Они такие же люди как я, не нервничай, – сказал себе профессор и вышел на сцену. Он подошёл к столу похожий на тот, за которым писатели обычно раздают автографы, сел на стул, и, похлопав по карману халата, убедиться, что его лекарство на месте, придвинул к себе микрофон. Игрый гортани он дал присутствующим понять, что можно начинать. Помощник

сел рядом и задремал. Видимо, многолетний опыт путешественника по ночным клубам помог, иначе профессор не мог себе объяснить, как этот тип смог уснуть при таком-то шуме.

На них посыпались крики, отдалено напоминающие вопросы, и профессору потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что это были именно они, а не угрозы. У него было достаточно времени разобраться в причинах произошедшего, но ком застрял у него в горле, и глупо озираясь по сторонам, он лишь пытался понять в какую направленную на него камеру полагается смотреть.

Ученый забыл обо всем, что хотел сказать, и вместо подготовленной речи из динамиков донеслось:

– Эм... хм... что ж, кажется мы с вами еще живы...

3

Профессор мямлил и запинался, что было неестественно, учитывая его превосходящий от обычного человека словарный запас. К экранам телевизоров было приковано все население Земли, но взволнован он был скорее присутствием живых людей в зале. Агрессивных людей.

– Эм... с чего бы начать...

– Пожалуй, чтобы отринуть ненужные вопросы, – шаблонно проговорил старик, – опишу картину в целом. Недавно, человечество стало свидетелем грандиозного события – взрыва Галактики. За всю историю человечества, пожалуй, такого ещё не было. В результате Земля подверглась, на мой взгляд *небольшому* обстрелу космическим мусором и камнями, но, к сожалению, и этого хватило, чтобы многие страны пострадали. К счастью катастрофических всемирных последствий нет, и по нашим прогнозам ничего подобного произойти больше не должно.

Ученый решил остановить свой взгляд на бутылке с водой, стоявшей на столе.

– Треть нашей Галактики так же стёрта с лица... – профессор задумался, – с лица Вселенной. Несмотря на свою близость к нам, спешу вас успокоить, что траектории разлетающихся планет проходят мимо Земли. Но вот Нептун и Плутон примерно через два года придется стереть с астрономических карт.

...повезло же, – обратился он шёпотом к помощнику, но в отличии от присутствующих тот его не услышал. Он крепко спал.

– Мы не смогли установить причину столь неожиданного взрыва, – продолжал он, – видимо в ядре галактики происходили активные процессы и исчерпав себя, в какой-то момент извергла всю находившуюся в ней энергию.

Учёный старался говорить доступным языком, словно выступал перед школьниками, с интеллектом ниже среднего.

– Андромеда – единственная галактика во Вселенной, которая летела к нашему Млечному Пути. По расчетам она должна была столкнуться с нами примерно через 4 миллиарда лет. Но взрыв оказался настолько сильным, что это расстояние сократилось в считанные годы. Кстати, интересно, что наша Галактика статична, когда все остальные словно разбегаются. Из этого мы сделали вывод, что эпицентр первоначального взрыва возникновения Вселенной произошёл именно здесь, где мы с вами живем...

– Это все весьма занимательно, но что это за красная дрянь летит там? – не выдержав, крикнул кто-то из зала.

«Дрянь!» Профессор мысленно согласился с журналистом. Он и сам не раз так называл тот камень в лаборатории, как и всех своих подруг молодости. По сути это было его вторым любимым словом после слова «стерва».

– Прошу всех успокоиться, – затараторил проснувшийся помощник и его взгляд жадно упал на ту же бутылку жидкости.

– Тишина!

– Нет, он прав! – поддержал кто-то из массы. – Манчестерский астрономический Университет опубликовал вчера снимки из космоса. Некая красная планета держит курс прямо к Солнцу.

Когда зал умолк, а это заняло несколько минут, профессор продолжил.

– Траекторию этой планеты, – сказал он серьезно, – вы можете рассчитать, просто взглянув на небо, без какого либо Манчестерского Университета.

Эти слова всколыхнули аудиторию подобно резкому ветру, ворвавшемуся в лес.

«Что профессор имеет в виду? Неужели у него свои счеты с Университетом?»...

Будучи непривыкшим к столь множеству фотовспышек, профессор продолжал говорить сощурившись. – Это не имеет никакого значения, – сказал он. – То, почему планету видно только ночью, лишь из-за того, что её состав схож на наш алмаз, поэтому она отсвечивает от соседних звёзд. С каждым днём мы будем всё чётче видеть кристальную планету, а через год разглядим её даже днём.

Кто-то из репортеров встал.

– То есть вы хотите сказать, что в отличии от звездного фейерверка в небе, та планета представляет собой реальную угрозу?

Профессор, в помине ничего не собиравшийся такого говорить окинул взглядом зал, который снова загудел, и какое-то время пришлось опять ждать затишья.

– Тишина, тишина! Да дайте вы сказать! – загорланил помощник, оторвавшись уже от пустой бутылки.

– Друзья у нас нет поводов для беспокойства и не переживайте из-за её размеров. Хотя она и больше Солнца, но по пути к нам она потеряет часть своей массы, и в конце концов высокая температура нашей желтой звезды и ее атмосфера в несколько сотен километров, является весомым аргументом, что та планета на просто сгорит, не дойдя до его поверхности. На сегодняшний день самый тугоплавкий материал сгорает при температуре 3700 градусов по Цельсию, а температура поверхности Солнца практически в два раза выше, – войдя в кураж, распинался юноша. – Тем более хоть и выглядит что та планета близко, человеческий глаз не способен распознавать космические расстояния между небесными телами, и само потенциальное столкновение, успокойтесь, произойдет аж через два года. Но оно не произойдет, поэтому вы можете спать спокойно!

Профессор вспомнил о камне, который пустил ему струю черного пара в лицо лишь из-за того, что он направил на него огонь. Так же он вспомнил видео, на котором падающие камни оставляли в атмосфере Земли плотный черный след. Тогда он не придал этому значение, так делают все метеориты, но сейчас ком подкатил к его горлу. «А что, если это осколки той планеты?», – с ужасом подумал старик. Он посмотрел на молодого человека, который продолжал, что-то говорить, и как могло показаться на первый взгляд, спасал положение.

– Кстати по поводу «спать спокойно», – процитировала слова юноши девушка-репортер в розовой кофточке во втором ряду. – Почему человечество перестало видеть сны? Зал затих, словно все внезапно вспомнили, что собирались и сами задать этот вопрос.

– Что же касается о снах, – ответил старик, проглотив ком, – то эта аномалия, как и всякий феномен, противоречащий нашим прежним представлениям о природе, мы, к сожалению, не в силах объяснить на данном этапе. Будем работать, – старик снова мысленно обратил свой взор на Солнце, (гигантский шар огня... мчащийся к нему красный кристалл, который оставит в космосе черный океан липкого дыма), – и пусть Бог нам поможет.

4

– Профессор, как думаете, мы выживем? – спросил ученого помощник, когда окончился допрос. Они стояли на балконе, наблюдая за самой фееричной катастрофой во Вселенной. Сложно было представить себе нечто более грандиозное. Столь потрясающая панорама захватывала всё ночное небо; тут и там вспыхивали звезды, переливаясь фиолетовым и оранжевым светом, а космическая пыль синевой расстилалась от края до края Земли. Далекие звездные семейства расставались друг с другом, улетаая со скоростью света в небытие, и профессор заворожено наблюдал за всей этой картиной, которая длилась уже целую неделю.

– К этому невозможно привыкнуть, – сказал ученый, – ради этого стоило родиться! Потрясающе! Со странной улыбкой он посмотрел на собеседника. – Землян, конечно, интересует вопрос о дальнейшем, относительно спокойном их существовании, но ты взгляни на это. Профессор ткнул пальцем в небо.

Вспышка света озарила космическое пространство – мчащийся к Солнцу гигант смел на пути очередную планету.

– Значит не выживем, – как-то спокойно проговорил помощник, и втер себе что-то в десна. – Интересно сколько же она весит, что столкновения с планетами не меняет её курса? Бр-р-р-р, – он встряхнул головой и зажмурился.

– Да, даже взрывы не шелохнут её, – поддержал гипотезу профессор. – Там находятся спутники размерами больше Сатурна, но она беспрепятственно осиливает их! Вселенная всегда была наполнена взрывами и коллизиями, и наша спокойная жизнь на земле была лишь удивительным исключением до этих самых пор. Будем надеяться, что завтра мы не ослепнем, – профессор улыбнулся улыбкой Фродо, перед тем как тот сел на эльфийский корабль и уплыл в закат.

– Что будет, если солнце все-таки не спалит его? – спросил юноша, наблюдая, как огромное *нечто* вдалеке своими ударами сотрясала небо.

– Будем надеяться на чудо.

Но то, что их ждало дальше сложно было назвать чудом.

5

«Даже самые высокие существа не в состоянии постичь истинную природу их Создателя... Хотя их понимание Б-га далеко превосходит понимание любого из смертных, любого существа, принадлежащего к материальному миру, – тем не менее, никто, кроме самого Б-га, не в силах понять Его природу».

Рамбам (философ средневековья)

А случилось следующее. Утром состоялся саммит, и главы государств пришли к решению осуществить давнюю мечту миллионов, объединить все страны в одну единственную. Уладив всю бумажную волокиту и преодолев пучину путей по достижению долгожданной цели, (таких, например, где будет находиться столица), уже спустя год мир сделался единой империей. Пойдя на это, власти хотели исключить всеобщую панику из-за взрыва Галактики и дать людям надежду на хорошую и долгую мирную жизнь. Но они не учли одного. Религию.

Коль скоро, а человечество в попытках понять *своего* Творца, дошло до того пика безумия, когда развязало межрелигиозную войну. Это был 2020 год.

Виной этому стало непримиримость видений религиозных фанатиков с идеей объединения. Ведь получалось-то, что Бог у всех разный.

Чтобы раз и навсегда упростить задачу, было принято решение, *абсолютно все* религии признать вне закона. Несмотря на доказательства историков, что любая религия была образованна с целью *объединения* группы людей для определенных потребностей (вроде бы изначально добрых) – для трети населения этот довод не показался таким уж убедительным. Из-за Б-га идет война. И с этим необходимо считаться. К сожалению, распространение единобожия стало приносить не мир, а ровно наоборот – превратило религию в еще один и, возможно, самый сильный (на какое-то время) фактор мировой истории, несущий войну, жестокость и бесчеловечность. И разве может так вести себя посланник Дающего Жизнь?!

В конце концов, именно жестокость и непримиримость религиозного видения мира породила новое, широкомасштабное явление – полное отрицание существования Создателя.

И так как, средневековую мудрость заменили прогресс и наука, обществу, чтобы сплотиться, нужно было отказаться от старых традиций и окончательно вступить в новую эру. Проще говоря, дабы был между людьми мир, нужно было полностью и навсегда отказаться от Бога. И эта была решительная мера.

Начались протесты и погромы, сотни миллионов погибших в столкновениях с вооруженными силами тех мест, где люди безмятежно довольствовались, когда-то своими убеждениями – одними из миллиона. Религия породила к себе жгучую ненависть людей и, Объединенная Власть шла против своих же сограждан, если те были верующими. Быстрее всего удалось разделаться с идолопоклонниками и сатанистами. Однако труднее же было с теми, кто всё-таки верил в Единого. Охваченные гневом, некоторые из ревнителей монотеизма, не жалея ног бежали к дому правительства неся на себе по двадцать килограмм взрывчатки. И всё во имя мира...

– И разве этого Ты хочешь от нас?! – вопрошали в небеса матери и отцы. – Тогда нам не нужен такой.

И силы оказались неравны. К зиме военные столкновения стали происходить всё реже. Некоторые, выжившие ушли в подполье, а многие, самые ярые сторонники религии признавали власть государства. Ничего этого не произошло, если бы религиозные движения по-ханжески не дискредитировали себя, с жестокостью насаждая «мирные» и «гуманные» ценности.

Наконец, как и было задумано, к долгожданному облегчению наступила эпоха мира. Так же вскоре появилась технология под названием ДЕВАЙС. Замена снам. И аппарат по поставке развлечений разлетелся по всему миру словно ураган.

Публичный дом? Пожалуйста! Закажи сон, и испытай массу удовольствий! Наркотики? Без проблем! Стоимость сна, в котором выставленный уровень эйфории даже выше, чем ощущения от настоящих наркотиков, была гораздо меньше в разы! Публичный дом с наркотиками? – есть и не такое.

Люди, окунувшись в этот поражающий своей реальностью мир, смогли утолить свои скрытые прихоти, и уже на утро каждый человек становился добрее... до наступления ночи.

Терроризм, существующий с денег, которые шли с оборотов наркотиков перестал существовать. Прекратились последние войны. Прекратились внутригосударственные преступления, что дало возможность распустить полицию, оставив местную дружину и дорожных смотрителей. Люди перестали нуждаться в вечной погоне за заработком, ведь как оказалось, искоренив коррупцию, государство смогло выплачивать своим гражданам неплохое пособие, на которое можно было беспечно жить до старости. Многие из тех, кто продолжал свою подпольную религиозную деятельность, вышли в мир, увидев, что данный закон действительно работает на благо. Как никак, деньги в этом мире сильнее бога.

На фоне всех этих событий люди уже и позабыли, что в глубоком космосе к Солнцу мчится планета.

До столкновения оставался год.

Статья из газеты «Новый Мир»

ДЕВАЙС – самая прибыльная технология 21 века!

Во избежание дальнейших войн, власти предложили людям все свои скрытые, потаённые желания помещать в изобретенные миры ДЕВАЙСА. Кроме религии – она, разумеется, остается навсегда под запретом.

Благодаря нейронному воздействию на мозг человека, сны создаются осознанные и ощутимые на уровне эмоций. Вы можете заказать сон, где будете учить языки, и, просыпаясь, запомните все, что выучили. Хочешь, с ролевыми онлайн играми, и даже с другими «спящими», – где ты скачешь на коне навстречу дракону, с пылающим мечем в руке, в надежде убить, до невозможности реалистичное чудовище, от которого ощущается зловоние, исходящее из пасти, и спасти мир от тирании магов средневековья, но и, конечно же, в надежде поднять уровень своего персонажа. Теперь ты всесилен в своём мире – лишь заплати за него.

– Индустрия снов, вот что нам нужно! – вещал президент под далёкое чавканье и нелепые комментарии зрителей.

– Мы можем использовать её даже в образовательных учреждениях, причем, не надо будет никуда ходить, а лежа в своей уютной спальне на кровати, вы в спокойствии можете постигать науки. Мы живем в удивительное время, а эта технология поможет нам создать лучший мир!

Книга первая

Часть первая

Глава 1. Лучший мир

1

Было ранее утро, когда парень с коротким криком вскочил с кровати. Сильно болела голова, и парнишка, осторожно трогая лоб, нащупал шишку, оставленную вчерашним ботинком. Прилетевший в голову подарок, не в первый раз дал понять, что он здесь не свой. Холод, одиночество и ботинок – всё это, как и вспыхивающая тьма за окном, сопровождаемая пустотой и ознобом, говорило о том, что зима в самом разгаре. Но морозную пустоту в это утро занимал собой вожатый, чья рыжая голова, в сочетании с высокомерной ухмылкой в свете лампы, мерзко нависала над головой восьмиклассника. Сам же парнишка решил не запоминать имя нового вожатого, так как надеялся, что вскоре рыжий покинет этот мир, и отправится ко всем чертям.

Мальчик не услышал, как под ним, по обыкновению, будя детей в соседних комнатах, проскрипела кровать, когда он вставал. И виной тому был не мгновенный переход из сна в бодрствование, а сама причина, почему он не обратил на это внимание – этот рыжий кретин держал в руке пустой кувшин, а по волосам Джека Ината стекала вода.

– О, ты проснулся? А я только зашел тебя будить. Как хорошо, что ты уже не спишь! – восторженно воскликнул вожатый. – Одевайся малой, через полчаса служба. Опоздаешь, будешь снова отмывать коридоры!

Хлопнула дверь, и Джек, уставившись в потолок, остался один.

– Ненавижу! – процедил он сквозь зубы, и стал подниматься с постели.

Джек обернулся посмотреть на кровать и его лицо перекосило. Желтое пятно на половину простыни заставило его побледнеть.

– Чем этот урод облил меня?! Джек принялся и его лицо еще больше перекосило.

– Ненавижу! Если кто-то из пацанов это увидит, то мне точно конец! Джек стиснул кулаки и принялся судорожно метаться по комнате, рассчитывая, что физическая активность доставит в мозг достаточную порцию кислорода, вместе с тем и решение как избавиться от этой напасти. В суматохе Джек ударился об ножку кровати соседа.

– Мазафанта! – проскулил парень, схватившись за ногу. Слезы подступили к глазам, но он не заплакал. Продумывая варианты мести, Джек покосился на виновника своей боли.

Кровать пустовала. Сожителя по комнате уже не было, как и большинства ребят, которых повели сегодня в музей старого оружия.

– Ты прости меня... – прошептал Джек, и без особого труда поменял тонкие матрасы, для верности перевернув соседский другой стороной и заправив. Будь его сокомнатник хотя бы приятелем Джека, и хоть раз за него заступился, то Джек не стал бы идти на такую подлую крайность. После дикого скрипа пружин кровати, когда Джек вставал, всегда следовали побои, которые уже обрели некий утренний ритуальный характер, за долгие годы ставший для остальных ребят действием на уровне животного инстинкта. Но в это утро, к облегчению подростка, никто больше в его комнату не зашел.

Джек взял полотенце, снял с батареи носки, в одном из которых прятал огрызок мыла, и направился по длинному коридору в душевую комнату. Ванная представляла собой мрачное

сырое помещение с черной дырой в стене, из которой сочилась ледяная вода, вне зависимости от того был перекрыт кран или нет. Что бы помыться под таким слабым напором приходилось вплотную прижиматься к противной скользкой плитке, но сегодня было воскресенье и Джека это радовало. Тем более приснилось ему сегодня, что-то хорошее, но что, он забыл.

2

Темноволосому парню с шишкой на лбу, этим утром стукнуло пятнадцать. И то, что, всё реже слышались далекие взрывы снарядов, к которым никак не привыкнуть, Джек воспринял для себя как подарок. Невежество одного человека, заскучавшего на старости лет, или жажда власти как то бывает у безумцев – парень уже не помнил, из-за чего всё началось. И насколько тяжело было поверить в то, что можно неплохо зарабатывать на убийстве людей, причем на смертях собственных солдат, так же не верилось, что этот ужас, наконец, подходил к концу. В мире заканчивались последние вспышки сражений, и все были рады, что детский дом, в котором все еще навязывали старые традиции, каким-то чудом обошло стороной. Ведь бойня, подходя к своему логическому завершению, успела уже итак унести много жизней, отняв родителей у детей и детей у родителей. Черт, это было хуже любой другой войны.

Парню же повезло. Две фигуры, которые должны были заслонять собой горизонт – мама и папа – парнишка их не знал, и единственным утешением для Джека были одинокие прогулки по вечерам, залезать в полуразрушенные здания и часами напевать там мелодии, которые сам же и придумывал. Жил он в общежитии, с такими же потерянными мальчишками как он, где их каждый день заставляли, стоя на коленях что-то бормотать о благодарности некому Великому и просить о спасении. Кормили два раза в день макаронами с тунцом и разрешали гулять, где вздумается. И последнему Джек был рад больше всего. Ребятам не особо нравилось, когда Джек выдавал своё мычание за музыку, поэтому он с радостью уходил в место, где единственным жюри было его собственное эхо – в подвал заброшенного здания. Не имея друзей, Джек и не рассказывал никому, что он может видеть сны, в большинстве своём психоделические, но всё же свои, собственные.

Тем более он не стал рассказывать никому о том дне, когда через несколько минут после взрыва Галактики что-то невидимое упало рядом с ним и принялось искажать и плавить воздух. Затем это что-то заговорило с Джеком. Это был нечеловеческий язык, и язык ли это был вообще, юноша не понял, просто в подростковую голову мощным неконтролируемым потоком ворвались картинки с непонятными символами и пугающим до усрачки замогильным бормотанием, которое было похоже, скорее на звуки несварения у какого-нибудь огромного животного.

Стоя в душевой и размазывая мыло по волосам, Джек вспоминал тот день. Затем его мысли плавно перетекли в нечто более приземистое. Он вспомнил о том, как мальчишками, было придумано нечто вроде смещения имени и фамилии, и вместо Джека Ината он стал для всех Джинат. А впоследствии – (боялись тратить слова понапрасну) – так он себя успокаивал, за ним укоренилось прозвище «Джин». Джин – исполнитель желаний. Он не умел делать что-то сверхъестественное, но, когда взрослые ребята говорили, он всегда делал... у него просто не было выбора.

Джек стукнул кулаком по кафелю.

Все знакомые называли его Джин, и только директор детского дома называл его по имени.

На время войны отключали отопление, а после, видимо забыли включить. С точки зрения экономики это были приемлемые жертвы, ведь кому нужен полуразрушенный город, в котором населения осталось не больше, чем волос у лысеющего мужчины?

Колючая от холода вода не позволяла подолгу размышлять о своём, да и вообще не каждый отваживался принимать душ больше одного раза в неделю, но Джек, отстранился от этого

неудобства, глубоко уйдя в свои раздумья. Теперь он это умел. И все благодаря *голосу*. Джек думал о директоре.

Этот удивительный человек за свои пятьдесят два года потерял трёх своих самых близких. Будучи совсем молодым, у директора погиб брат; *не проявив достаточной ловкости на пешеходном переходе, его сбил автомобиль* – как сообщил тогда упитанный следователь по этому делу. Porsche красного цвета был 1977 года выпуска, но все же оказался спортивным автомобилем, поэтому быстро скрылся с места происшествия. Толку от очевидцев, которые утверждали, что видели за рулем жену губернатора, было абсолютно никакого. Неудивительно, что водителя, как и машину, по-прежнему не нашли. Свой пост чиновник не потерял, а на любые вопросы с холодным выражением лица шаблонно отвечал: "Без комментариев, не знаю где моя супруга, у вас нет доказательств". Видимо о том, где находится злосчастная женщина, знали лишь белоснежные пляжи Сейшил и ее молодые черные любовники.

Жена директора ушла из жизни после того как последние несколько лет боролась с тяжелым онкологическим заболеванием, но, к сожалению болезнь оказалась сильнее. Тогда-то директор и поднял свои глаза к небесам. Оставшись с поздним ребёнком, несмотря на все трагедии, мужчина не сломался, а занялся образованием и воспитанием молодёжи. Так и начал своё существование нынешний детский дом, со всей программой, которая бывает в обычной средней школе. Только мрак фанатичных древних предписаний, казалось, был здесь излишним, а тут еще и война против религиозных деятелей, что практически списало *веру* на нет, оставив лишь дважды в день невнятные бормотания на коленках и что-то там просить о спасителе, которому не было дела до этого мира с самого его сотворения.

Через год после начала войны директора ждало еще одно потрясение. Его сын был растерзан бездомными собаками, которые схоже человеку, за неимением пропитания озлобились и вышли на улицы в поисках пищи. Тогда-то директор и изменился. Поговаривали, что после этого у него и поехала крыша.

– Идите ребята, погуляйте на свежем воздухе, – мрачно говорил он после отбоя. А когда ему сообщали о гибели кого-то из учеников, которые по дозволению выходили ночью на улицу, он отстраненно смотрел в пол и думал о том, как все произошедшее могло бы быть к лучшему, о чем говорилось в писаниях, которые директор столько лет прививал детям любить.

Но Джек по-прежнему превозносил директора, и всегда старался утешить его, как только мог.

Не было странности в том, что в такое агрессивное время и молодым приходилось расписывать на бумаге свои пожитки, (носки и кнопочный мобильник), но это было лишь детской забавой. Способ забыться.

Но однажды директор отнял у всех последнюю бодрость духа, когда на одном из собраний в столовой заявил:

– Государство решило навязать всем учебным учреждениям технологию под названием ДЕВАЙС, и эта не до конца продуманная технология имеет массу побочных эффектов, самая щадящая из которых – шизофрени.

Столы в столовой были расставлены буквой «П», и всем отчетливо было видно директора, стоявшего с понурой головой в центре верхней перекладины.

– Я отказываюсь вводить эту технологию в нашу школу, – продолжал он, – в любом случае, до тех пор, пока она не перестанет плавить людям мозг. Наша психика и так оставляет желать лучшего. Но это к слову, а собрал я вас сегодня не за этим.

Директор глубоко вздохнул.

– Знаю, скоро настанет и мой час. Но прошу вас, крепитесь. Мне некого просить заниматься моими похоронами, и вас, мои друзья я не собираюсь обременять такой тяжелой процедурой...

– Какой заботливый, – хихикнул кто-то из зала.

– Ш-ш-ш-щ-щ-щ-щ! – стиснув зубы, прошипел один из учителей, но Джек подумал, что это неуместное замечание хоть немного разрядило обстановку. Да, хорошо, что есть такие придурки, думал парень, теперь я точно знаю каким я быть не хочу.

– ...поэтому очень важно, чтобы я не был похороненным, а мое последнее желание быть после смерти, а точнее после жизни, – поправил себя директор, – быть кремированным. Подавленный мужчина сел и принялся водить вилкой по пустой тарелке. В наступившей тишине Джек слышал звук скребущегося металла об стекло, а затем перешептывания учителей о том, зачем нужно было говорить об этом именно сейчас, когда война почти закончилась.

Джека это очень задело. Он не мог себе представить, что с этим человеком могли произойти подобные изменения, что, будучи жизнерадостным живым примером для всех, он будет ждать своей скорейшей смерти. Он был для Джека больше, чем друг идущий первым в огонь, и ближе отца, на котором держится пропитание семьи, каковым он и был, держа за свой счет школу, поэтому все не на шутку перепугались того, чего больше всего на свете боятся люди, того чего нельзя предвидеть – будущего. Директор был для Джека единственным примером для подражания, на которого смотришь, и хочется быть как он, а не наоборот – лишь бы не быть таким как те вожатые, учителя и ребята. У директора не было недостатков, и была превосходная репутация, ведь все это время ему удавалось скрывать от государства истинную правду о детском доме.

Но больше всего Джека злило недостойное поведение – ведь спустя пару недель тот рыжий урод уже пускал грязные слухи о странной просьбе светоча детского дома, мол, как так, что все тела погибших мальчиков мы хороним на заднем дворе, а что он? Кремированные? Разве капитан не уходит вместе с кораблем, когда тот тонет?

– Аморал... Кстати насчет тонет! – встрепенулся Джек, вырывая себя из воспоминаний двухнедельной давности, осознав, что он находится под ледящей водой, а не на пляже, – до вечера же здесь никого не будет, – тут же проигнорировав дискомфорт, ожил парень. – И пока никого нет, – проговорил юноша в стену – я знаю, что нужно делать.

3

Но бассейн, как и остальные подростковые воспоминания, останутся для Джека мутным пятном в подсознании, и, оглядываясь назад, у него не будут всплывать никакие теплые образы из прошлого. Они все уйдут из его памяти как смывается мыльная пена и исчезает в сливе душевой, за чем он сейчас с интересом наблюдал. А единственное, что останется с ним с детства, ему безумно нравился запах бетона, который от старости, пылью развеялся по воздуху.

Директор исчез, и уже две недели от него никаких вестей. Учителя нашли хорошую травку, поэтому их тоже почти не было видно. Джек колебался, но в глубине души знал, что директор больше не вернется. Видимо он все-таки решил не подвергать детей таким испытаниям, как сжигать человека, поэтому, словно старый пес, директор ушел умирать, оставив еще неокрепших молодых щенят одних.

А потому зачем и дальше терпеть насмешки и измывательства, преследующие Джека на каждом шагу? Не легче ли поступить как директор и послать к чертям это место?

После того как один из ребят скрутил его голову у себя подмышкой и грозил расправой кулаком в боксёрской перчатке, это решение утвердилось в нём окончательно. И где он только взял эту перчатку?! Нечего было и думать об ожидании добродетели к себе как со стороны ребят, так и со стороны взрослых, и чаша веры в людей разбилась на мелкие осколки, остро впившись в нежное подрастающее сердце.

После очередного варева на завтрак из пресного теста в виде узких трубочек, Джек накинул куртку, и уже через минуту стоял за массивными воротами учебного заведения. Дабы совесть, после долгих лет, ставшая на толщину волоса, не смела стать помехой в осуществле-

нии плана, он не стал оглядываться туда, где за каменной стеной возвышалась школа, которая была ему домом пятнадцать лет. Но все же по пути, в голову Джека вкрадывались настойчивые мысли, от которых у него потели ладони и по спине пробегался холодок.

«Может я не прав? Может то, что происходит со мной, действительно имеет значение, и я заслужил это? Но ведь я ничего им не сделал! Что это за (мудрость) такая, которую я должен тащить на себе!», – Джек сжал кулаки. – Нет! Я долго терпел!

Уверенно юноша побежал в сторону автовокзала, где он как думал, его ждал более лучший мир.

4

Артиллерийские снаряды многих лишили жилья, и большинство людей осталось на улице, без денег в кармане, без связи с близкими. И обо всех лишениях, что в слезах им когда-то рассказывали их предки, теперь во всех ярких красках сами поведают своим потомкам. Если доживут.

Полиция, к мимолётному всеобщему удовольствию, была распущена, и призвана в армию, и по улицам бродили типы, которых теперь ничего не сдерживало грабить, бегать на четвереньках, ссаться, и во всем остальном походить на животных. Выползали они лишь ночью, и Джек, всем сердцем понадеявшись, что утром его никто не остановит, ускорил шаг до легкого бега.

Он бежал на автовокзал, с которого пару раз в день уходил один единственный автобус. Парень понятия не имел, какое было расписание, но, если понадобится, он будет ждать хоть до следующего дня. Спрячется и будет ждать. Куда тот ехал, этого Джек тоже не знал. Да и какая разница, главное подальше отсюда. С каждым шагом Джек приближался к своей цели, и уже ничего не могло омрачить его улыбку, но по дороге случилось нечто, совершенно не входившее в его планы. Но вполне ожидаемое.

За местом, где размещалось содружество по охране общественного порядка, (так называла себя местная гопота, которые словно вампиры всегда пребывали в пьяном бреде и прятались от солнца), была рыночная площадь под открытым небом, за которой находился автовокзал. В центре площади, несмотря на аномальную для Ньюпорта погоду в минус шесть градусов, возвышался до сих пор действующий фонтан и, не дойдя до него двадцать метров, запыхавшийся юноша, снизил темп, часто выдыхая изо рта разгоряченный пар. Zalюбовавшись игрой водных потоков, Джек присвистнул, чему сам удивился.

«Не ожидал от себя такой искренности, после всего то. Неужели я еще способен наслаждаться красотой?», – подумал подросток.

Воду в чашу качал насос мощностью 150 киловатт, а установка по управлению находилась в подвальном помещении, которое в спешке покинули, и технически сложное оборудование одиноко выполняло свою функцию, насколько это позволяло отсутствие человека в «жизни» работа, и запас энергии в генераторе.

Джек видел, как вода текла по ржавым трубам, утопающим в земле, видел, как эти трубы разделялись на маленькие, словно ветви на дереве, и дальше тянулись по замкнутому кругу, впадая в подземный металлический бак с водой. Видел на панели управления стакан с недопитым кофе. Рядом лежала газета, с заголовком на главной странице «Мы все умрем? Поскорее бы».

Все эти видения пронеслись в голове у подростка яркими картинками, и Джек задрожал, снова попытавшись охватить мыслью ту призрачную штукювину, упавшую с неба. Опять она...

– Забыли выключить, – поспешил сказать он в голос, восхищаясь тем, что он еще не потерял сознание от этого внезапного вмешательства в течение своего сознания. Эта штукювина любила застать парня врасплох. Джек догадывался, что оно пытается выбить парня из седла

и перехватить управление, и лучше это сделать неожиданностью, когда мозг юноши наиболее всего уязвим. Были, конечно свои плюсы и свои минусы. Плюсы в том, что Джек мог видеть то, что не видели другие, а минусы – что-то живет в нем и это ужасало.

Вдруг Джек заметил, появившегося, словно из ниоткуда нищего. Эти выпады из реальности порой сильно мешали замечать вещи, происходившие прямо перед носом. Парню казалось, что взорвалась не Андромеда, а его мозг, разбросав ошметки по стенкам черепа.

Бездомный лежал под фонтаном, его грудь прерывисто поднималась и опускалась, а сам он постанывал. По его искаженному от боли лицу было понятно, что с ним произошло. Бедняга пытался достать со дна монетки, когда того ради забавы грубо от этого занятия оторвали. Далее взору Джека предстали скамейки, симметрично расставленные вокруг фонтана, чья краска в несколько слоев уже успела стереться штанами и ботинками кайфующих там по ночам панков.

Несмотря на страх, было ясное утро сулящее массу приключений, и Джек решительно подошел к подножию, на котором на высоту одной ступеньки возвышалась вся эта картина. Но внезапно Джек споткнулся и вдруг его замутило, зрачки расширились, пространство и материя слились воедино, и ворвавшиеся образы, на этот раз уже сильнее, беспощадно стиснули сознание.

Всё, что существует в мире, подвластно закону времени и пространства. Круглые звезды и планеты, ходят по круговым орбитам, Солнечная система оборачивается вокруг центра Галактики. И Млечный Путь, символизирует жизнь в своём вечном круговороте. И все вернется к своему началу, и всему этому придет конец. Но не беги от меня. Я могу спасти тебя, если ты спасешь меня.

На этот раз Джек смог перевести символы, возникшие перед его глазами, где каждая буква напоминала сложный литературный иероглиф, которые периодически выскакивали перед ним, словно назойливые мухи.

– Да сколько можно?! – в голос прокричал Джек, пытаясь вытащить себя из власти навязанных картинок и закадрового голоса, который низким басом бормотал эти самые слова. И к отчаянию мальчика, голос принадлежал неизвестному существу, делившим с ним одно сознание уже около года, и которое постоянно от него что-то хотело. То оно просило спасти его. (От чего и почему... этого Джек уже не знал, существо не соизволило поделиться этим). То оно иногда могло внезапно разбудить Джека среди ночи и что-то нашептывать пару минут о каком-то воздаянии и мести. Сперва Джеку казалось, что его внутреннее ухо стало просто чувствительнее, и он яснее слышит свои мысли – ведь воздавать и мстить ему было по душе, тем более было кому. Но когда спустя пару месяцев, перед глазами стали мелькать призрачные силуэты и тени, и все это ночью в пропахшей потными ногами комнате, Джек перестал спать, есть и вообще с кем-либо общаться. Спустя еще полгода туманные видения, возникающие у парня в голове, приобрели четкие самостоятельные образы, которые имели обыкновение порой сбываться в действительности, чему подросток был крайне удивлён. С тех пор с каждым днем страх перерастал в уверенность, что *существо* пытается надеть юношу какими-то способностями, для того, чтобы он, Джек, смог его *спасти*. Джек немного, но свыкся со своим новым недугом, но неумение контролировать это приводило Джека в неопишное бешенство.

– Почему так не в тему! – продолжал возмущаться юноша и снова не заметил, как бездомный уже пропал.

Но иногда Джек все же думал по-другому. «У меня просто поехала крыша. Да, да. Иначе все происходящее нельзя ничем объяснить. Может и бездомный у фонтана мне просто показался...», – Джек пытался мысленно перекричать то, что так неожиданно оживало в его голове и пыталось жить собственной жизнью. Но разве человек может контролировать свое сердцебиение...

Архитектурная задумка круглой площади, на которой еще недавно кормили голубей, должна была выражать идею единства и цельности, но от раздавшихся неподалёку криков Джек стал возвращаться на землю.

– Отпустите меня! Грязные ублюдки! Раздался грохот выстрела, несколько гиенных смешков, затем всё снова стихло.

– Эй, пацан!

Джек вздрогнул. Замогильный голос пропал также внезапно, как появился. Снова Нью-порт, снова реальность. «Видимо страх заглушает его», – подумал было обрадовавшийся на мгновение парень.

– Ты что бессмертный? А ну иди сюда!

Джек оглянулся и увидел, как к нему со стороны фонтана бегут несколько человек. У мальчика подкосились ноги. Присутствие реальной опасности что-то с ним сделало, и от страха он забыл, какое число следует за числом четыре, когда попытался посчитать приближающихся к нему людей. Он насчитал двенадцать человек, ровно в два раза больше, чем их было в действительности.

Когда те были в десяти метрах от него, Джек попытался собрать остатки мужества в слюну и с некой дерзостью небрежно сплюнул, половина чего попала ему на куртку и на тронутый первыми волосами подбородок. Подходя к юноше «главарь», как подумал Джек, потому что тот вышел вперед, расплылся в улыбке и еще раз повторил, – эй, пацан, ты зачем слюнявишь себя? От страха язык проглотил? Мужчина молниеносно подлетел к Джеку, встал на колени и обыскал его. Ничего не найдя, он помахал рукой в воздухе, и толпа, державшаяся немного поодаль поплелась к одной из скамеек, и принялась что-то горячо обсуждать. Джек ни на секунду не расслаблялся, ведь рядом, всё так же находился потенциальный источник ущерба – рослый мужлан в грязной кожаной куртке нараспашку. Фильм о могучих мстителях, который им показывали на вечернем сеансе в детском доме, (после которого, к слову говоря, ему и залетел в голову «ботинок-молот Тора»), как защитный рефлекс уже начал завладевать разумом подростка, и Джек для себя решил, что самообман сейчас лучшее, что он может противопоставить этому бугаю. Он представил, как позеленеет, если разозлится. Внутреннее *оно* даже помогло ему с этим, но каким бы супергероем в своем подсознании Джек ни был, крепкий удар по голове вырвал его из объятий воображения, даже несмотря на то, что было усиленно чем-то вземным, и ужас вернулся к Джеку с новой силой.

– Ты не смертник, – прогремел сверху голос. – Что ты забыл здесь?

Еще один сильный подзатыльник, наконец, развязал испуганному подростку рот.

– Я знаю... – Запинаясь проговорил Джек, – здесь недалеко есть место, где... где дети (молятся – едва не сказал он) не используют ДЕВАЙС...

– Тсссс... – Довольным тоном протянул мужчина. – Ну пойдём, покажешь.

5

«Всё кончено. Обратного пути нет. Либо я показываю им, где школа, либо эти отморозки лишат жизни меня самого. Почему я сказал именно это? Неужели я так испугался, что не смог соврать? Что же мне теперь делать?!»

Пока Джек барахтался в своих мыслях, незнакомый, возвышающийся над ним человек положил свою тяжеленую руку на его плечо и повторил, – так что, дружок, покажешь, где это место?

По угрожающей интонации Джек понял, что это был совсем не вопрос, и что на этом его жизнь в детском доме закончилась, и скорее всего сама по себе жизнь тоже. Этот мародер все равно его не отпустит. Начнется ли другая, наполненная свободой и приключениями, на что он минуту назад рассчитывал, в этом Джек уже сильно сомневался.

– Не переживай, мы просто побеседуем с вашим директором.

Главарь подозвал банду и, поскрипывая снегом, все вместе они направились к детскому дому.

Подходя к тому самому месту, о котором, заикаясь, проговорился Джек, со стороны заброшенного футбольного стадиона, находившегося через дорогу, раздался приглушенный лай. Его подхватили другие завывания, и, перейдя в унисон, казалось, уже целый легион певцов совместно исполняют вокальную псиную пьесу. Никто, кроме Джека не обратил на это внимания по двум причинам. Первая – одно дело засыпать под звуки лающих собак находясь в безопасности за толстенными стенами, и совсем другое быть вот тут на улице в пятидесяти метрах от места, где каждого ждёт ужасная участь, попади он туда. Джек знал, что приглушенный далекий вой даже более реален, чем новый *гость* в его теле, и кровавое месиво, которое должно последовать за этим шумом лишь вопрос времени.

Впечатлительность юности родила в воображении картину человеческих внутренностей, разбросанных по снегу, и незримая, но близкая опасность, царящая за колоннами стадиона, стала для Джека более осязаема, чем толпа отморозков, чья плоть, если что, так же легко прокусывается острыми клыками голодных собак. Джек помнил, как несколько мальчиков решили прогуляться по руинам легендарного в былые года стадиона, и что никто из них не вернулся. А через пару дней на дороге между детским домом и стадионом нашли разорванные в клочь лохмотья, в которых директор школы узнал одежду своего сына. Но это было год назад. Страшно было представить, сколько теперь расплодилось там этих кровожадных монстров. В военное время людям было не до них, и для детей оставалась лишь надежда, что в случае голода эти твари не побрезгуют даже собратом, и популяция будет держаться на одном уровне. Но ошибаться привилегия детей и женщин, и Джек очень понадеялся, что подобное заблуждение в этот момент станет для него спасением. Чтобы спастись, он надеялся каким-то образом использовать этих собак.

Вторая причина, по которой бандиты не обращали внимание на далекий скулеж, так это эйфория, охватившая их перед предстоящей расправой над провинившимися.

– Ты что решил поиграть с нами? – раздраженно прыснул здоровяк, когда Джек указал на высокий забор, за которым было воспитательное учреждение. Они все остановились.

– Слушай, Сэм... – обратился один из них к главарию. – Этот детский дом находится под опекой государства, которое, если ты не забыл, платит нам... вряд ли там могут быть те, о ком чешет этот сопляк. Государство бы...

– Заткнись! – рявкнул на него Сэм. – И без тебя знаю.

– Слышишь, пацан, – обратился он к Джеку и пнул его ногой в спину. Тот упал и стукнулся носом об затвердевший лёд, который мгновенно окрасился в красный.

– А может, мы отправим тебя к Андромеде? – сказал Сэм, ласково так назвав эпичное безвозвратное исчезновение, намекая на смерть.

Джек хотел признаться, сказать, что да, Сэм прав, и он действительно обманул их, но язык, словно его не слушался.

– Это правда! – Не поднимаясь с земли, и не отрывая глаз от зловещего стадиона, прокашлял Джек, вытирая рукавом нос. – Семьдесят человек, и несколько взрослых. Но сейчас все в музее и будут только вечером, – выпалил он и расширил глаза до размеров сверженности, от того почему он все еще продолжает говорить правду, и каким образом теперь он оправдывает тот факт, что знает равное количество людей в школе.

Джек проглотил подкативший ком. Собачий лай нарастал.

Неожиданно из-за угла здания вышли двое одноклассников Джека и, не замечая собравшуюся толпу, с излишней пахабностью обсуждали свой удачный побег с учебного мероприятия и вечернюю службу, которую они тоже собираются прогулять.

– Ясненько, – почти пропел Сэм. Подростки услышали его.

6

Завидев Джека, сидящего на снегу, и у которого пол лица было ни в чем ином, как в крови, усмешка прокатилась по их физиономиям. Но когда они увидели флуоресцентную вышивку на плечах у стоящих там людей, и как оскал самого здорового из них сполз с его лица, как сползает лавина, в предвкушении похоронить под собой всё, что попадетсся ей на пути, они и сами перестали улыбаться. Более того, их лица стали источать такой ужас, что Джек даже улыбнулся, тому насколько их скривило.

– Бежим! – крикнул один из подростков, и быстро преодолев несколько метров, толстая магнитная дверь стремительно захлопнулась, скрыв за собой две куртки «S» размера.

Мальчишки побежали искать рыжего вожатого, который остался заниматься онанизмом, сославшись на нехорошее самочувствие, а толпа так и осталась на улице, но совсем не обездоленная.

Сэм бросил презрительный взгляд на Джека.

– Думаю, – признался главарь, – мне не послышалось, они сказали *молитва*. Люди из его банды принялись доставать дубинки, словно прекрасно понимая, что должно происходить дальше.

– Хоть ты нам и помог, – продолжал Сэм, – не правильно было предавать своих. Вряд ли в будущем можно будет положиться на такого как ты.

Если бы ад существовал, во что верил один Джек в школе, (*во всяком случае, он на это искренне надеялся, ведь должна же быть в этом мире хоть какая-то справедливость*) то его эпицентром был бы стадион через дорогу. Озлобленные псы, страдающие внезапным бешенством, и необъяснимым влиянием от последствий Взрыва, казалось, проводили там какой-то собачий ритуал, и Джек боялся совсем не Сэма с его подвыпившей бандой, а того, что случится, когда те, наконец, учуют запах людей, и он не успеет сбежать. Джек понимал, что лишь направление ветра сейчас решает жить им или умереть, и дул он в противоположную от них сторону.

«Обычно они не выползают днём, так как бы мне их выманить», – подумал Джек, и леденящая дрожь пробежала по его спине. «Нет, – осекся юноша, – вряд ли мне поможет сейчас тот *голос* и то, что за ним обычно следует, калейдоскоп обкуренных картин. Надо что-то предпринять, думай, думай!»

Только сейчас Джек понял, что такое истинное одиночество, быть отрезанным от остальных людей, не иметь ни друзей, ни любимых. А единственных знакомых, которых Джек знал, они его ненавидели, а он в свою очередь в гробу их видел. Здоровяк был прав. Он продал своих. Но стремление к жизни, которое в критической ситуации из нужды перерастает в пламенное желание, с новой силой заиграло в крови парня. Видимо кровоупускание удалило из вен Джека все тяготы жизни, и теперь он с радостью был готов принять на себя любое бремя, которое пошлёт ему судьба, лишь бы выжить, а затем покинуть этот проклятый запустелый город. Внезапно по затылку юноши пробежали мурашки – идея, пришедшая в голову, засияла мощным прожектором, разом развеяв туман неведения и нерешительности.

– Кто сказал, что они свои?! – Завопил парень. Джек встал, сплюнул и еще больше размазал по лицу кровь, когда попытался ее стереть. – Пусть они все заплатят за свои преступления! – прокричал он еще громче, и оглянулся на стадион.

«Лишь бы сработало...»

У главаря округлились глаза. Он удивился тому, что Джек не заплакал. Он еще не видел, чтобы такой молодой парень не обращал внимания на свою кровь и лишь горячо желал смерти других людей, стольких детей. Пусть даже и за нарушение закона. Такую ярость нельзя было сыграть, и Сэм преисполнился уважением к парню.

– Ладно, малой. Тогда слушай своё первое задание.

– Что?! – взорвался один из его громил. – Сэм ты спятил? Ты что, хочешь принять в банду этого малолетку? Да с чего ты взял...

Мужчина не успел договорить.

Сэм засунул свободную руку в карман и вынул оттуда нечто серое похожее на множество колец, слитых воедино и плотно прилегающее к руке словно перчатка. Он замахнулся и одним ударом вырубил бунтовщика, не позволив тому закончить свой монолог. Никто на упавшего даже не глянул. «Видимо такое часто происходит в их дружном коллективе, – подумалось Джеку, – прямо как у нас».

– Это кастет, – сказал Сэм и вытянул руку на уровне лица, демонстрируя всем переливающийся на солнце кусок металла.

– Теперь он твой. Кастет упал на подросевшую ладонь Джека, и рука подростка под тяжестью свинца опустилась почти до самой земли.

– Ог-о-о-о-го! – специально погромче крикнул Джек, – тяжеленный!

– Твоё первое задание, – официальным тоном объявил главарь, – открыть нам дверь. Если это сделаешь, считай ты в банде.

Джек быстро сообразил, что его пытаются обмануть и, сделав недоуменное лицо, уставился на Сэма.

– И как прикажете мне это сделать?

– Так же как те двое.

– Но я не учусь тут, – соврал Джек.

– Откуда же ты тогда взялся?

– Я живу в подвале одного дома на 2-й улице.

– Ладно, – выдохнул Сэм, разумеется не поверив в чепуху про жильё придуманную парнем прямо на ходу. Просто мужчине хотелось побыстрее со всем покончить. Тем не менее, вопросов больше не стал задавать. – Тогда придумай что-нибудь, – сказал мужчина. Или ты считаешь, что наши вакантные места для одних только тупых качков? Сэм посмотрел на одного из членов своей банды блаженно отдыхающем на снегу, выглядевшим, скорее, усталым путником, нашедшим приют после долгих скитаний, а не как человек потерявший сознание от удара правой.

Джек про себя выдохнул. Он должен попасть обратно в школу. Уже что-то. Сэму ни за что не проникнуть на территорию. Но как это сделать? Перед тем, как уйти парень решил отрезать себе все пути возвращения, и поэтому ключ, открывающий магнитные ворота он слил в унитаз. Джек зачерпнул рукой горсть снега и приложил к носу.

– Думай быстрее, у нас еще много дел, пацан. Если справишься, то я не шучу, ты по праву будешь считаться членом нашей команды, – бросил мужчина, закуривая сигарету. Для некоторых из его компании это послужило каким-то их внутренним знаком, и они тоже закурили.

Но избиение бездомных и прочее мародерство Джек считал смутным делом, да и вряд ли их банде пригодилась бы его завидная терпимость к людям, и навык написания стихов. Очень неплохих кстати. Джек выработал систему, по которой в его стихах была не только хаотичная рифма, но и углубленный смысл, и директор за это очень гордился им. До войны Джек даже ездил по разным школам и выступал там со своими придуманными сочинениями, которыми восхищались дети других представительств, но почему-то только не в той, где учился сам Джек. Система была проста: Джек представлял себе конечную картину событий, и, не упуская из виду развязку, придавал сюжету необходимую последовательность, но проделывал это, двигаясь в обратную сторону. То есть в самом конце, когда всё почти было готово, Джек начинал обдумывать само начало, и наоборот – вначале замышлял концовку. Но, несмотря на эту странность, все его стихи чётко как пазл складывались воедино и из-под ручки выходили гениальные произведения, которым каждую неделю даже отводилась колонка в Ньюпортовской газете. Правда

изначально это были просто небольшие рассказы, и не в рифму, но после насмешек ребят, Джек решил зарифмовать написанное.

*...ибо рэп всегда был в моде,
за решеткой, на свободе...*

Но, к сожалению, эта идея не принесла ожидаемого результата, совсем наоборот: ненависть, зависть... вот и сейчас, те двое мальчиков, стремительно убежавшие спасая свои шкуры, оставили одноклассника одного, должно быть, считая, что Джеку поможет Бог, от которого этим вечером они сами ожидали, что тот поможет им избежать молитвы.

Но Джек не придавал особого значения столь укоровившемуся безразличию ребят друг к другу, как и до сих пор идущей из носа крови. Он был занят другим. В его голове ясно стояла картина, как злые, голодные собаки рвут этих здоровяков на части, и Джек, разглядывая железный толстый забор школы, перебирал в голове события, которые и приведут к такому финалу. Он уже победил, он уже стоял над телами взрослых, но что было до этого?

«Эй! Ты слышишь! – обратился он мысленно вглубь себя. – Мне нужна твоя помощь!» Обычно вещи, требующие особых умственных усилий, приходилось продумывать своими силами, но из-за этой новой способности все варианты приходили сами собой, словно на ладони. Даже тогда, когда он совершенно этого не ждал. Но контролировать эти вспышки он не мог, и сейчас это его очень подводило.

– Парень что с тобой? – стал раздражаться Сэм, – ты весь покраснел и напрягся. Если тебе надо в туалет, ты скажи, мы отвернемся.

Все загоготали.

– Нет, нет, сейчас, минуту, я думаю.

«Помоги-и-и-и!»

Несколько собачьих морд высунулось из главных ворот стадиона, и парень заметил это.

«Ого! – удивился Джек, – так это работает? Нет, наверное, просто совпадение».

– Пожалуйста, мне нужно еще подумать, – пробубнил подросток, косясь на скалящиеся пасти молодняка.

Сэм уже хотел еще раз стукнуть Джека, но по дороге в этот момент с шумом промчался грузовик, что стало последней каплей для того чтобы раззадоренные собаки, повыскакивали из стадиона и принялись истошно лаять в сторону школы. Несколько оборванных шавок не решались подойти, они стояли в ожидании остальной стаи, но через мгновение их стало гораздо больше. Все мужчины повернулись в сторону стадиона и мигом их лица переменились. Стали серьезные и Джек даже разглядел в них страх.

– Быстро, пацан, открывай дверь! – закричал Сэм.

– Но я не могу! Джек только сейчас осознал, насколько был глуп его план.

Сэм подлетел к одному из своих, толкнул его на стену и забрался ему на плечи. Кто-то подбросил Джека первому на руки, и тот помог подростку взобраться дальше на плечи Сэма, таким образом получилась живая лестница. Все произошло так быстро, что Джек не сразу сообразил, что стоит на широких плечах мужчины.

– Только попробуй нас кинуть, – прорычал Сэм, и Джек, вытянув руки, взобрался на пятиметровую стену.

Джека что-то стукнуло в грудь. Словно гром среди ясного неба он вспомнил, что эта стена всегда находилась под напряжением. Но почему сейчас она выключена?

«Помоги-и-и-и!», – Джек опять вспомнил свою просьбу. Может действительно, именно так этим и можно управлять? Впервые Джек попросил у *этого* помощи, и кажется, оно ему ответило. Но как? Разбираться пока было некогда.

– Открывай дверь, живо! – кричали ему снизу.

– Сейчас, – отозвался Джек и спрыгнул с другой стороны на территорию школы удивленный тем, что он ещё жив и даже не переломал себе ноги. Адреналин хорошая замена мыш-

цам. Джек поднял голову и увидел тех самых двух школьников, которые тарасились на него, с такими изумленными лицами, словно только что перед ними родила женщина и просит их перерезать пуповину. В их глазах читался ужас, отвращение.

– Не бойсь, – бросил им Джек и усмехнулся от того, что его непослушное воображение смогло нарисовать в голове подобную картину родов. Только та женщина родила этих одноклассников, а те в свою очередь, совокупившись, родили друг друга. Если бы Джека попросили описать это словами, то он бы сказал: они просто вывернулись друг из дружки. Вот и все. «А было бы неплохо посмотреть на это», – подумал Джек, и рассмеялся.

Подростки поняли, что тот намеревался сделать, но они стояли обомлев, не в состоянии даже сдвинуться с места.

– Это ты! Это ты! – стали кричать они вслед парню, но он их уже не слышал.

Джек рванул на кухню и меньше чем через минуту он снова стоял перед стеной. Зажав в зубах кусок сырого мяса, которое оказалось на кухне при чередке самых обычных обстоятельств, которые решили промчатся в голове парня с подачи *существа* мгновенным видением, и не занявшим больше секунды, Джек оторопел, но затем, взяв себя в руки, стал карабкаться на ограждение при помощи, стоявшего рядом баскетбольного кольца и тренажера, предназначенного для прокачки ягодич. С тех пор как в школе появился эта штуковина, поползли шутки с непристойным уклоном, которые, казалось ещё немного и из насмешек переросли бы в злую реальность подросткового гомосексуализма. Хорошо, что директор уволил того жожа, который пускал эти грязные шуточки. Кажется, он был еще тот педофил. Очень любил ходить с ребятами в бассейн. Но в месте, где учились одни лишь мальчишки, эта тема быстро нашла своих поклонников и увольнение жожа, по сути, ничего не принесло, кроме того, что шутки остались на уровне шуток. Джек ненавидел их всех, ненавидел в школе отсутствие девочек. Лучше присунуть им, и потом отсидеть, чем тебе, но зато на свободе.

Быстро взобравшись на забор, и поудобнее пристроившись, он зашвырнул кусок мяса на дорогу, что бы его запах придал животным смелости. Скуля и огрызаясь друг на друга, собаки рванули к аппетитному свежему куску.

– Молодец парень, ты их отвлек, – закричал Сэм, – теперь открывай!

Из стадиона вылезали псины одна за другой, и их уже было около двадцати. Все они быстро приближались к воротам детского дома, где стояли мужчины, и теперь вся шайка Сэма смотрела на Джека выпученными от безумия глазами. До смерти им оставалось *40 метров*.

– Ну же парень, прекращай так шутить! – кричали они наперебой.

30 метров.

Джек сидел не шевелясь. Только раз он повернул голову в сторону одноклассников с видом, с каким говорят, – «Запомните это, я вас спас».

И они запомнили.

20 метров.

От отчаяния, мужчины принялись проделывать тоже самое, что и с Джеком. Встав на спину один другому, они пытались дотянуться до забора, но нижний никак не выдерживал веса третьего, и пирамида рушилась.

10 метров.

Джек слез со стены и стал колотить в дверь небольшой пристройки на территории детского дома, где обычно находился сторож. Дверь открыл, застегивая штаны, мокрый от пота мужчина. Разнясь с холодной погодой, спертый и вонючий от плоти воздух, вырвался из помещения и осезаемым паром обдал парня с ног до головы. Джека чуть не вырвало.

– Чего тебе? – раздраженно бросил охранник. Он походил на одного из банды Сэма, только будто давно уже отошедшего от дел.

– Как чего? Там снова собаки, вы что не слышите?! Включите ток!

Поколебавшись, мужчина хотел спросить насчёт разрешения директора, но донесшийся до него жуткий собачий визг заставил его все же нажать кнопку, которая была вделана в дверной косяк. Стена загудела. Послышались крики и звуки борьбы.

«Фуух, успел, – подумал Джек, – но ещё немного и я бы попал. Мы бы все попали...».

Он подошёл к своим одноклассникам и встал рядом. Они иступлено смотрели на стену, за которой доносились звуки, словно с адской фермы. Что там происходило, никто представлять не стал, кроме Джека... его никто не спрашивал. Но мотнув головой, парень впервые смог так легко избавиться от состояния грез наяву. Под крики погибающих бандитов Джек смотрел на кровь, оставшуюся на своих ладонях. Его неожиданно заинтересовал вопрос, есть ли у животных способность наслаждаться тем, что им больше всего необходимо – едой.

7

Джек снял шапку с одного из ребят и вытер ей остатки крови с лица и рук. Тот стоял не шелохнувшись. Еще некоторое время мальчики продолжали пребывать в недоумении и страхе, но уже вечером, как последние уличные псы, дождавшись остальных, собрались в комнате Джека для свершения мести.

– Ну, вы и уроды, – единственное, что успел сказать подросток, затем белый свет и звук, похожий на пищашую сигнализацию заполнили его сознание, которое через секунду он и вовсе потерял.

Очнулся он глубокой ночью посреди комнаты. Его так и оставили лежать на полу.

– Постараться бы не частить впадать в отключку, – сухо заметил юноша, поднимаясь на ноги. Злость и апатия боролись в нем друг с другом. Радость жизни, что зародилась в Джеке после чудесного спасения от Сэма и его прихвостней, на миг потеряла свой смысл, но вспомнив о том, что он запланировал сделать, Джек разом повеселел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.